

РЕВОЛЮЦИЈА

1017

ГОДА

ГЛАЗАМИ ЕЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

ФЕВРАЛЬ

В. ЗЕНЗИНОВ
А. ЛУКОМСКИЙ
В. ШУЛЬГИН
В. ЧЕРНОВ

ИЮЛЬ

И. ЦЕРЕТЕЛИ
П. МИЛЮКОВ
В. СТАНКЕВИЧ
А. ДЕНИКИН

ОКТАБРЬ

Н. СУХАНОВ
Г. ПЛЕХАНОВ
А. КЕРЕНСКИЙ
Л. ТРОЦКИЙ

**Революция 1917 года
глазами ее руководителей**

«Центрполиграф»

2017

УДК 327
ББК 66.4

Революция 1917 года глазами ее руководителей /
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-9524-5269-5

Цель этой книги – показать, как воспринимали, ощущали и оценивали революцию и ее отдельные этапы люди, которые были поставлены событиями на ответственные посты. Речь идет не о рядовых участниках и свидетелях революции, а исключительно об ее руководящих фигурах. Составитель намеренно исключил из книги ортодоксально-большевистских авторов, так как их концепции и изложения революции слишком хорошо известны.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9524-5269-5

, 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Октябрь	6
Часть первая	7
Хроника событий	7
Февральские дни	13
Николай II и Ставка в первые дни революции	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

РЕВОЛЮЦИЯ

**ГЛАЗАМИ ЕЕ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ**

**Революция 1917 года
глазами ее руководителей
Автор-составитель Давид Анин**

Октябрь

1917
ГОДА

ФЕВРАЛЬ

**В. ЗЕНЗИНОВ
А. ЛУКОМСКИЙ
В. ШУЛЬГИН
В. ЧЕРНОВ**

ИЮЛЬ

**И. ЦЕРЕТЕЛИ
П. МИЛЮКОВ
В. СТАНКЕВИЧ
А. ДЕНИКИН**

ОКТАБРЬ

**Н. СУХАНОВ
Г. ПЛЕХАНОВ
А. КЕРЕНСКИЙ
Л. ТРОЦКИЙ**

© ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Часть первая

Февраль – март. Начало, победа и стабилизация революции

Хроника событий

19 февраля (по старому стилю) в Петрограде начались волнения из-за недостатка хлеба.

22 февраля объявлен локаут на Путиловском заводе.

23 февраля Международный женский день; стихийные забастовки.

24—25 февраля забастовочное движение расширяется.

26 февраля опубликован указ о роспуске Государственной думы.

27 февраля к бастующим начали присоединяться полки Петроградского гарнизона: Волынский, Павловский, Литовский, Преображенский. К солдатам также присоединилась часть офицеров. Казаки с самого начала относились нейтрально, разгоняли время от времени толпу, но репрессивных мер не принимали. Восставшие солдаты вместе с рабочими взяли арсенал, завладели Петропавловской крепостью, двинулись к тюрьмам, откуда освободили многих социалистических работников, в том числе и рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете. Руководители этой группы непосредственно из тюрьмы направились вместе с войсками и народом к Таврическому дворцу, где они, совместно с представителями профессионального и кооперативного движения и левыми депутатами Государственной думы, образовали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов.

В состав его вошли: Гвоздев, Богданов, Капелинский, Гриневич, Чхеидзе, Скобелев, Франкорусский – все меньшевики. Его непосредственной задачей было созвать Совет рабочих депутатов Петрограда, которую он немедленно и выполнил, распространив по столице обращение к рабочим собраться в тот же день, в 7 часов вечера в Таврическом дворце. Он принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, избрав немедленно временную продовольственную комиссию и обратившись к населению с воззванием о помощи в деле прокормления солдат. Кроме того, им были приняты меры к защите революции от разгрома ее царскими войсками путем создания военного штаба в Таврическом дворце. В его состав вошло несколько офицеров.

Ровно в 9 часов в Таврическом дворце открылось заседание Совета рабочих депутатов. В президиум Совета без возражений были избраны думские депутаты: Чхеидзе (председателем), Скобелев и Керенский. Кроме председателя и его двух товарищей, были избраны четыре секретаря: К.А. Гвоздев (с.-д. оборонец), Н.Д. Соколов (в то время меньшевик), Гриневич (с.-д. интернационалист) и рабочий Панков (тоже). В начале заседания выступили с приветствием и докладами представители от полков – Волынского, Павловского, Литовского и др. После докладов было предложено и единогласно принято: слить воедино революционную армию и пролетариат столицы, создать единую организацию под названием Совета рабочих и солдатских депутатов.

В заседании Совета были произведены выборы в Исполком; избранными оказались прежде всего члены ранее избранного президиума, а затем следующие восемь человек: Александрович-Дмитриевский (левый эсер), Беленин-Шляпников (большевик), Капелинский (меньшевик-интернационалист), Павлович-Красиков (большевик), Петров-Залуцкий (тоже), Стеклов (в то время не-фракц. социал-демократ), Суханов-Гиммер (меньшевик-интернационалист), Шатров-Соколовский (меньшевик-интернационалист). Было решено пригласить в Исполком с решающим голосом также представителей социалистических партий.

28 февраля вышел первый номер советских «Известий», в котором было помещено воззвание от имени Совета депутатов. В этом воззвании говорится: «Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место новому народному управлению. В этом спасение России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию. 27 февраля в столице образовался Совет рабочих депутатов из выбранных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп. Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе¹, ставит своей задачей организацию народных сил и борьбы за окончательное упрочение политической свободы и народного управления в России... Все вместе общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права».

В заседании Исполкома принимали участие не только выбранные члены от Совета, но также и некоторые представители партий с решающими голосами. От партий в состав Исполкома вошли: большевик Молотов, Стучка и Козловский (от латышской социалист-демократии), бундовцы – Эрлих и Рафес (замененный через несколько дней Либером), меньшевики – Богданов и Батурский; трудовики – Брамсон и Чайковский, которого потом заменил Станкевич; эсеры: Русанов и Зензинов; народные социалисты – Пешехонов и Чарнолуцкий и социал-демократ-межрайонец Юренев.

* * *

Образовавшийся 27 февраля Временный комитет Государственной думы вступил в переговоры с различными общественными деятелями о создании нового правительства. Вопрос о Николае II комитет Государственной думы решил в том смысле, что он должен немедленно отречься от престола в пользу своего сына Алексея при регентстве Михаила. С этой целью комитет Думы решил отправить к Николаю делегацию в составе Гучкова и Шульгина.

Февраль 1917 г.

Временный комитет Государственной думы обратился к армии и флоту с призывом сохранять полное спокойствие и питать уверенность, что «общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено: Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу».

¹ В Таврическом дворце заседала также Государственная дума (Ред.).

1 марта происходило заседание Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по вопросу об организации власти. Большинство Исполкома склонялось к тому, чтобы ограничиться предъявлением правительству определенных политических требований, осуществить контроль над выполнением этих требований и, отказавшись от участия в правительстве, воспользоваться только правом отвода нежелательных министерских кандидатур.

Вопрос об участии в правительстве вызвал разногласия. Во главе группы, стоявшей за коалиции, были бундовцы Рафес и Эрлих. К ним примкнули оборонцы с.-д. и представители народнического направления. Остальные отстаивали невхождение в цензовое правительство. В результате было постановлено тринадцатью голосами против восьми в правительство представителей Совета не посылать и участия в нем не требовать.

Вечером того же дня в соединенное заседание Временного комитета Государственной думы и некоторых намеченных членов Временного правительства явились представители Исполкома комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе, Стеклов, Суханов, Соколов и Филипповский и предложили обсудить условия передачи власти Временному правительству, образуемому комитетом Государственной думы. Эти условия предварительно были утверждены в тот же день пленумом Совета рабочих и солдатских депутатов.

Условия состояли из девяти пунктов. Делегаты Совета после долгих прений сделали уступку в двух пунктах: во-первых, отказались от требования, согласно которому Временное правительство должно было воздерживаться от всех действий, предрешающих форму будущего правления, и, во-вторых, согласились отказаться от требования о выборности офицеров. После этих изменений текст условий, предложенный делегатами Совета, принял такую форму: «В своей деятельности правительство будет руководиться следующими основами: 1) полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.; 2) свобода слова, печати и союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями; 3) отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву, на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; 6) выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; 7) неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; 8) при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

Члены Временного комитета Государственной думы. Сидят (слева направо): В.Н. Львов, В.А. Ржевский, С.И. Шидловский, М.В. Родзянко. Стоят: В.В. Шульгин, И.И. Дмитрюков, Б.А. Энгельгардт (комендант Петроградского гарнизона), А.Ф. Керенский, М.А. Кар

После принятия этих условий Милюков от имени Временного комитета Государственной думы потребовал, чтобы Исполком Совета депутатов составил декларацию, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом рабочих депутатов, что поэтому это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживает их доверия; главное же, он настаивал на том, чтобы в этой декларации был призыв к доверию к офицерству и признанию солдатами командного состава. Делегаты согласились на это требование и при участии Милюкова начали составлять декларацию, окончательный текст которой был выработан только вечером 2 марта.

* * *

Одновременно с заседанием Исполкома в Таврическом дворце 1 марта происходило первое заседание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем заседания был Н.Д. Соколов, присутствовало не менее тысячи человек. На заседании было решено конституировать солдатскую секцию Совета и организовать выборы в нее по одному представителю на роту. Затем было постановлено: во всех политических выступлениях подчиняться лишь Совету.

Было также решено дать директиву выбирать ротные и батальонные комитеты, которые заведовали бы всем внутренним распорядком жизни полков и казармы. Ввиду опасения по поводу возможного разоружения солдат, было постановлено: никому не выдавать оружия и хранить его пока под контролем ротных и батальонных комитетов; наконец, Совет объявлял «равноправие солдат с прочими гражданами в частной, политической и общегражданской жизни, при соблюдении строжайшей воинской дисциплины в строю». Совет постановил свести все эти решения в одном воззвании или приказе. Для составления была избрана особая комиссия. Эта комиссия составила в тот же день воззвание, которое известно по своему заголовку «Приказ № 1».

* * *

2 марта главнокомандующий генерал Алексеев по соглашению с Родзянко назначил главнокомандующим Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Корнилова.

Днем того же числа Стеклов сделал на заседании Совета доклад о результатах переговоров с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства и об отношении к нему Исполкома.

Исполком предложил Совету принять к сведению предполагаемый манифест вновь образуемого правительства и обратиться к населению с призывом к организации сил, к отказу от бесчинств и к поддержке Временного правительства постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных Советом задач. После доклада выступил Керенский, который просил Совет санкционировать его решение принять на себя обязанности министра юстиции во Временном правительстве с оставлением в звании товарища председателя Совета. Выступление Керенского было встречено бурными рукоплесканиями.

Состав Временного правительства к вечеру 2 марта вполне определился. Председателем Совета министров и министром внутренних дел был назначен князь Г.Е. Львов (председатель Главного комитета Всероссийского земского союза), министром иностранных дел – Милюков, министром народного просвещения – Мануйлов (конституционный демократ, про-

фессор), министром финансов – Терещенко (беспартийный, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета), министром торговли и промышленности – Коновалов (прогрессист), министром путей сообщения – Некрасов (товарищ председателя Госдумы, левый кадет), военным министром – Гучков (октябрист, председатель Центрального военно-промышленного комитета), министром юстиции – Керенский (трудовик-эсер), государственным контролером – И.В. Годнев (член Госдумы, октябрист), обер-прокурором Синода – В. Львов (группа «центра»).

Вступление во Временное правительство Керенского было одобрено конференцией петербургских социалистов-революционеров того же числа. Конференция постановила: «Считая необходимым контроль над деятельностью Временного правительства со стороны трудящихся масс, конференция приветствует вступление А.Ф. Керенского во Временное правительство в звании министра юстиции, как защитника интересов народа и его свободы, и выражает свое полное сочувствие линии его поведения в дни революции, вызванной правильным пониманием условий момента».

В ночь на 3 марта новый министр юстиции Керенский телеграфно предписал прокурорам судебных палат и окружных судов немедленно освободить всех осужденных, заключенных по политическим и религиозным преступлениям.

* * *

Днем 2 марта к Таврическому дворцу пришло несколько тысяч человек с целью узнать о положении дела. Член Исполкома Суханов рассказал им, как Исполком решил проблему власти, назвал предполагаемых главных министров, изложил программу, продиктованную Советом Временному правительству, и сообщил, что насчет монархии и династии существует еще не ликвидированное разногласие между Временным комитетом Госдумы и Исполкомом Совета.

Приблизительно в то же время Милюков произнес речь перед многочисленными слушателями в Екатерининском зале Таврического дворца о вновь образующемся правительстве. Речь вызвала крики одобрения одних и недовольства и даже протеста других. «Кто вас выбрал?» – спрашивали Милюкова. Он ответил: «Нас выбрала революция». Когда Милюков назвал премьера Львова «воплощением организованной общественности, гонимой царским режимом», то раздались возгласы: «Цензовой!» Милюков ответил: «Да, но единственно организованной, которая даст потом возможность организовать и другим слоям русской общественности». На вопрос о судьбе династии Милюков ответил, что «старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». При этих словах поднялись шум и крики. Это заявление Милюкова широко распространилось по городу. Поздно вечером в здание Таврического дворца явилась толпа возбужденных офицеров, которые заявили, что они не могут явиться к своим частям, если Милюков не откажется от своих слов. Милюков заявил, что его слова о временном регентстве Михаила и о наследнике Алексее являются его *личным* мнением.

* * *

Вечером в Псков, где находился Николай II, приехали Гучков и Шульгин. Гучков заявил, что он и Шульгин приехали от имени Временного комитета Государственной думы, чтобы дать нужные советы, как вывести страну из тяжелого положения. Петербург уже всецело находится во власти революционного движения; попытки вызвать войска с фронта не приведут ни к чему.

Поэтому всякая борьба бесполезна; остается только одно – отречься от престола в пользу сына с регентством князя Михаила.

После заявления генерала Рузского, что он согласен с Гучковым и что никаких запасных частей послать в Петербург нельзя, царь ответил: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я был готов пойти на отречение в пользу моего сына. Но затем я понял, что расстаться с моим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете. Поэтому я решил отречься в пользу моего брата».

* * *

Рано утром 3 марта до членов Временного правительства дошли слухи об отречении Николая II в пользу Михаила, а не Алексея. Вопрос о династии оказался открытым для большинства членов правительства, так как те, кто уже согласился на Алексея, не считали себя обязанными соглашаться на Михаила. Около полудня 3 марта на квартире у Михаила собрались члены Временного правительства и Думского комитета. Все, кроме Милюкова, были сторонниками отречения Михаила. Милюков настаивал на том, «что сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти», что «Временное правительство одно, без монарха» является «утлой ладьей», «которая может потонуть в океане народных волнений», что стране при этих условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и наступит полная анархия раньше, чем соберется Учредительное собрание. После речей Михаил переговорил наедине в другой комнате с Родзянко и потом заявил о своем окончательном решении отречься. Был составлен текст отречения от престола. Главное место отречения гласит: «Одушевленный со своим народом мыслью, что выше всего – благо родины, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием своим через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского». Далее Михаил просит всех граждан «державы Российской» подчиниться Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания.

Февральские дни В.М. Зензинов

22 февраля

Это было всего вернее – 22 февраля. Я сидел днем, по обыкновению, в редакции «Северных записок» и был занят очередной работой – правил гранки ближайшей книжки журнала, которая должна была выйти в конце месяца. Вошло несколько человек рабочих – пять-шесть – и сказали, что хотели бы видеть А.Ф. Керенского (он был сотрудником «Северных записок»). Узнав, что я был секретарем редакции, они объяснили, что являются делегацией путиловских рабочих и что одновременно другая такая же делегация направилась к «депутату Чхеидзе» (они отчетливо подчеркивали депутатское звание Керенского и Чхеидзе). К «депутату Керенскому» у них важное поручение, но в чем оно состояло, они мне не сказали. Я тут же, при них, созвонился с А.Ф. Керенским (к счастью, удалось застать его дома – тел. 119-60), и он выразил согласие встретиться с ними сегодня же, в редакции, в 7 часов вечера и попросил меня при этом свидании присутствовать. О согласии Керенского я и сообщил рабочим, чему, видимо, они были очень рады. Нужно сказать, что к этому времени А.Ф. Керенский, благодаря своим выступлениям в Государственной думе и в качестве защитника на политических процессах, пользовался огромной популярностью – и не только в Петербурге; в частности, большую известность ему создала поездка на Ленские прииски летом 1912 года на расследование обстоятельств Ленского расстрела рабочих. Популярность его была велика решительно во всех кругах общества – уже тогда он сделался положительно любимцем общественности.

В 7 часов назначенное свидание рабочих депутатов с Путиловского завода с А.Ф. Керенским состоялось (они, как потом признались, побоялись идти к нему на квартиру, – думали, что полиция может помешать). Рабочие подробно рассказали о локауте на Путиловском заводе. Цель их посещения обоих депутатов (Керенского и Чхеидзе) заключалась в следующем: они считали своим общественным долгом предупредить обоих депутатов (к А.Ф. Керенскому они каждый раз обращались со словами – «гражданин депутат») о серьезности создавшегося положения и о том, что они «слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия». Таковы были буквально их слова. О себе сказали, что поручение это «к обоим депутатам» им дано забастовавшими рабочими. Весьма отчетливо и очень серьезно рабочие делегаты заявили А.Ф. Керенскому, что начавшаяся забастовка не носит частного характера и что дело тут не в экономических требованиях, также и не в продовольственных затруднениях – рабочие сознают, что это начало какого-то большого политического движения, и они считают своим долгом предупредить об этом депутата. Чем это движение кончится, они не знают, но для них, по настроению окружающих рабочих, ясно, что произойти может что-то очень серьезное. Так говорили делегаты, говорили спокойно и твердо, и это спокойствие лишь подчеркивало серьезность сообщаемого. Предупреждение это оказалось в полном смысле *историческим*, и позднее я часто вспоминал о нем и удивлялся пониманию момента, проявленному тогда путиловскими рабочими. Понимали это тогда далеко не все. Должен признаться, что тогда и я этому визиту не придавал особого значения – не знаю, как отнесся к нему А.Ф. Керенский. То были настоящие *вестники грядущей революции*. Их прозорливость, вероятно, объяснялась тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали, насколько уже тогда была раскалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда. Мне до сих пор кажется странным, что нигде в мемуарной литературе не упомянуто об этих делегациях путиловских рабочих.

23 февраля

На другой день, 23 февраля, всюду в городе говорили о начавшемся на петербургских заводах стачечном движении, но никому и в голову не приходило считать это началом революции. Расширение стачки объясняли тем, что локаут на Путиловском заводе вызван желанием администрации этого завода экономить на топливе. Угля будто бы в Петрограде не хватало. А с Путиловского завода забастовка, в силу солидарности рабочих или по каким-либо другим причинам, перекинулась и на другие петроградские предприятия. Казалось, это движение мало чем отличалось от того, что уже несколько раз происходило и раньше. Между тем самые размеры начавшегося движения и его характер говорили о другом. На заводах происходили митинги, работа постепенно останавливалась всюду. С пением революционных песен рабочие после митингов выходили на улицы. К 12 часам дня 23 февраля почти весь Сампсониевский проспект был залит толпами рабочих. Усиленные наряды конной и пешей полиции не могли удержать демонстрантов. Днем в разных местах города были сделаны попытки остановить трамвайное движение – у некоторых вагоновожатых были отобраны пусковые ключи. С 2 часов дня общее руководство подавлением беспорядков перешло от градоначальника генерала Балка в руки военных властей. На помощь были посланы казаки и драгуны. С Выборгской стороны рабочие пробивались и на левый берег Невы, были попытки остановить трамвайное движение на Литейном и Суворовском проспектах. У Казанского моста, на Невском, на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте, на Шпалерной происходили мелкие столкновения толпы с полицией. «То, что началось в Питере 23 февраля, – писал позднее Суханов, – почти никто не принял за начало революции... Казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличалось от движения в предыдущие месяцы. Такие беспорядки происходили перед глазами современников многие десятки раз».

24 февраля

24-го говорили уже о десятках и даже сотнях тысяч бастующих, но кто мог это проверить? С утра рабочие старались проникнуть в центр города. У Литейного моста, несмотря на наряды полиции и казаков, десятки тысяч рабочих прорвались на Литейный проспект. На Невском появились кучки рабочих с женами и детьми – демонстрации имели вид праздничного гулянья, но нервозность в городе повысилась. Толпы собирались в разных местах города. На мостах были расставлены заставы, чтобы разорвать город на части. Демонстрации у Казанского моста, на Невском и на Знаменской площади, столкновения с полицией у Литейного проспекта, у Городской думы и на Знаменской площади. На Невском, Суворовском и на Литейном демонстранты останавливают трамваи, отбирают пусковые ключи. Во второй половине дня движение трамваев прекратилось, исчезли и извозчики. Казаки рассеивают толпы, но настроены миролюбиво. По их адресу раздаются дружественные возгласы из толпы, они отвечают улыбками. В этот день, за подписью ген. Хабалова, было развешано по городу объявление, предостерегающее население в ближайшие дни не выходить на улицы – порядок будет восстановлен, если даже для этого придется прибегнуть к оружию; вызывающие беспорядки играют в руку врагов...

25 февраля

Предостережение Хабалова не имело желательных для власти результатов – 25 февраля движение во всем городе продолжало нарастать. Беспорядки в городе усиливались. Трамвайное движение совсем прекратилось – теперь уже не рабочие отнимали у вагоновожатых пусковые ключи, а сами вагоновожатые, бросив где попало трамвай, уносили ключи с собой – и трамвай замирал на месте. Черные толпы рабочих на Невском. От Казанского собора к Адмиралтейству пройти нельзя – не пускают войска. Появились откуда-то самодельные красные знамена – видно, что все это произошло экспромтом. На одном из знамен я увидел буквы «Р.С.Д.Р.П.». На другом стояло «Долой войну!». Но это второе вызвало в толпе протесты, и

оно сейчас же было снято. Помню это совершенно отчетливо. Очевидно, оно принадлежало либо большевикам, либо «междурайонцам» (примыкавшим к большевикам), – и совсем не отвечало настроению толпы. Чем дальше, тем толпа двигалась увереннее и быстрее. Теперь мы все уже шли посередине мостовой. Это была та первая демонстрация февральских дней, которая закончилась первым кровавым столкновением на Знаменской площади – судьба захотела, чтобы я принял в ней участие. Проскакал мимо, вслед за толпой, отряд казаков – толпа посторонилась, отряд проскакал стороной улицы и не тронул манифестантов. Когда мы проходили мимо редакции газеты «День» (по правой стороне Невского), окна в верхних этажах открылись – из форточек и окон махали нам платками, полотенцами, что-то кричали, приветствовали. У самой Знаменской площади толпа загустела и почернела. Волна вынесла к самому памятнику Александра III. Из наших рядов вылез плотный бритый человек, вскарабкался на ступени памятника и обратился к толпе с речью. Я стоял совсем близко от него и хорошо его заметил, он был мне незнаком. Но через несколько дней я встретил его уже на заседании Совета рабочих депутатов и имел с ним дела – только тогда я узнал, что это был Гриневиц, небезызвестный меньшевик-интернационалист. На площади в разных концах ее стояло несколько маленьких отрядов конных казаков, но они не проявляли агрессивных намерений против толпы. Один из этих отрядов вдруг двинулся с одного угла площади на другой – толпа охотно раздвинулась и пропустила отряд, потом снова сомкнулась. Оратор продолжал что-то говорить... Видны были несколько красных маленьких флагов. Зацокали по камням подковы – со стороны Николаевского вокзала появился новый конный отряд – как я позднее узнал, то был отряд конной полиции, во главе его ехал плотно перетянутый ремнями в серой шинели офицер. Раздался предупреждающий звук рожка. Другой... Вслед за ним хлопнул одиночный выстрел и раздался залп. Только потом я узнал, что первый выстрел был сделан одним из казаков и им был убит находившийся во главе конного полицейского отряда пристав Крылов. Вместе с толпой побежал и я – при этом потерял галошу. Оглянувшись назад, увидел на снегу палки, шляпы, галоши, – но людей на площади не было: площадь быстро была очищена от толпы, и толпа бросилась бежать в соседние улицы, которые вдруг показались очень узкими.

Февральские дни в Петрограде

Эта демонстрация на Знаменской площади, во время которой был убит казаком полицейский пристав, – кажется, первая жертва революции со стороны правительства, произошла около 3 часов. Как позднее установили мемуаристы и историки, этот выстрел из казачьей винтовки в полицейского пристава был едва ли не первым наступательным движением уличной революции.

Отсюда я отправился в Таврический дворец. Улицы вокруг него кишели народом. Встречались небольшие отряды казаков, но они держались мирно, никого не разгоняли. Кое-где

толпа приветствовала их криками «Да здравствуют казаки!». Но казаки держались опасливо и сдержанно.

Вечером этого дня в городской думе на Невском состоялось объединенное заседание общественных организаций. Официально оно было созвано для обсуждения продовольственного положения в городе и для введения хлебных карточек, но фактически имело чисто политический характер. Выступали Шингарев, Керенский, Скобелев. Они резко протестовали против уличных расстрелов. Кончилось собрание принятием общей резолюции, с требованием свободы собраний и слова.

Думу окружала черная толпа – она облепила здание, примостилась на лестнице, все коридоры и комнаты были набиты народом. Все старались узнать, что происходит в самой Думе. От одного к другому передавали обрывки произнесенных речей. Вокруг была суеда, о которой сейчас уже трудно отдать отчет. Одно было ясно: жизнь вышла из берегов, происходит нечто необычайное...

В этот вечер, как позднее стало известно, царь из Ставки отправил телеграмму Хабалову: «Приказываю прекратить завтра беспорядки в столице, недопустимые в такой серьезный момент, как война с Германией и Австрией»...

26 февраля

26 февраля, воскресенье. Солнечный зимний день. Яркое солнце, приятный легкий мороз, голубое небо и недавно выпавший мягкий снег создают праздничное настроение. Город с утра походит на разворошенный муравейник. Улицы – тротуары и мостовые – во власти толпы. Все куда-то спешат в разных направлениях, кучки людей останавливаются, наспех обмениваются новостями. Все возбуждены, взволнованы, но не напуганы. Чувствую у себя и у прохожих, что мы все переживаем одно и то же – и это нас соединяет. Это настроение я чувствовал в течение нескольких дней и не могу его определить иначе, как ощущение какого-то общего братства. Как будто пали обычные перегородки, отделявшие людей, – положением, состоянием, культурой, люди объединились и рады помочь друг другу – в большом и малом, быть может, то было ощущение общего риска, которое соединяло всех. Случайные встречные разговаривали друг с другом, как давнишние приятели – дружески, доброжелательно, готовые прийти друг другу на помощь, если это даже связано с риском для жизни, в чем, вероятно, в ту минуту никто не отдавал себе отчета. Это ощущение *братства* было очень острым и вполне определенным – и никогда позднее я его не переживал с такой силой, как в эти незабываемые моменты, дни. То было воистину ощущение общего народного праздника.

* * *

Самое значительное событие этого дня – выступление Павловского полка, подробности которого стали известны лишь позднее. Это был первый – хотя и неудачный – переход войсковой части на сторону революции. И хотя он кончился неудачно, он имел большое политическое значение, так как пример павловцев вызвал подражания – самая весть об этом выступлении сыграла огромную революционизирующую роль в войсках. Произошло, как позднее стало известно, в Павловском полку следующее. Около 5 часов дня солдаты 4-й роты лейб-гвардии Павловского полка, разобрав имевшееся в распоряжении роты оружие (около 30 винтовок и не более сотни патронов!), вышли на улицу из помещения роты и направились к Невскому. По дороге, на Екатерининском канале, они подверглись нападению конной полиции и, расстреляв все свои патроны, растерялись. Недостаток оружия и отсутствие организаторов заставило их вернуться в свою ротную казарму, где они забаррикадировались. Около 7 часов вечера они были окружены войсками, вооруженными пулеметами. Ночью были обезоружены, из них 19 человек было арестовано и под усиленным конвоем отведено в Петропавловскую крепость, где

и были заключены в Трубечкой бастион. Освобождены они были оттуда только 28-го, когда восставшими войсками и народом Петропавловская крепость была взята. Всё это, повторяю, стало известно лишь значительно позднее, но весть о «восстании Павловского полка» распространилась к вечеру 26-го очень широко – от одной интеллигентской группы к другой – при этом со ссылками почему-то то на Леонида Андреева, то на Шаляпина. Один из них жил поблизости Павловских казарм, был очевидцем происшедшего и затем раззвонил об этом по телефону по всему городу. Только поздно вечером слух этот оформился и укрепился.

Что делалось в этот день в Государственной думе, не знаю. Кажется, даже не был в Таврическом дворце. Да и события явно уже отошли от Думы – жизнь шла на улицах.

* * *

26-го вечером на квартире у А.Ф. Керенского (на Тверской) по его приглашению состоялось совещание представителей некоторых левых общественных группировок и организаций. Такого рода совещания за последние недели (или вернее – дни) происходили несколько раз и носили характер информационных собраний – формального характера они в смысле представительства не носили и имели целью лишь обмениваться сведениями о происходящем в Петрограде. Принимали в них участие – Н.Д. Соколов, А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев, И. Юренев (член «междурайонного комитета», близкого к большевикам), П. Александрович (эсер), Г. Эрлих (бундист), Шляпников (член ЦК большевиков), А.В. Пешехонов, В.М. Зензинов, П. Гриневич (меньшевик-интернационалист), Н.Н. Суханов, Ерманский (меньшевик-интернационалист), М.Е. Березин (трудовик), С.Ф. Знаменский (трудовик). Таких «информационных совещаний» в предфевральские дни было четыре; три совещания происходили на квартире у М. Горького. Четвертое и последнее – состоялось на квартире у А.Ф. Керенского. Хочу подробнее на этом совещании остановиться, так как настроения участников его ярко отражали те настроения, которые тогда были характерны для различных политических групп.

По идее и задачам совещание это должно было иметь важное значение – оно претендовало некоторым образом как бы на роль генерального штаба революции, который должен был принять весьма ответственные решения. И несомненно, как бы ни преувеличивали сами собравшиеся своего удельного веса, они действительно могли оказать некоторое влияние на ход событий. Правда, организованной политической общественности в Петрограде в то время не существовало, но в вихре событий, среди возбужденных группировок и инициативных ячеек, привычные формулировки, лозунги, а главное – партийные названия могли и должны были сыграть крупную и активную роль. Масса искала руководителей, жаждала, чтобы ее смутные желания были точнее сформулированы, были ей подсказаны. И присутствовавшие на совещании у А.Ф. Керенского, из которых каждый мог опубликовать заявление от имени какой-нибудь политической организации, могли действительно сыграть роль...

Я подробно останавливаюсь на этом моменте, во-первых, потому, что он кажется мне значительным, во-вторых, также и потому, что роль большевиков на нем была изумительна, для большинства неправдоподобна, невероятна!

«Собрание было довольно бурное», – писал потом об этом совещании большевик Юренев. Я тоже помню, что споры у нас были горячие. Юренев и Александрович, которые в эти и последующие дни действовали в полном контакте и согласии с большевиками (недаром он при каждом удобном и неудобном случае подчеркивал свой «циммервальдизм», «интернационализм» и пораженчество), держали себя как-то вызывающе-заносчиво, как будто они были единственные настоящие социалисты, попавшие в общество либералов (в своих воспоминаниях Юренев откровенно противопоставляет «представителей нелегальных организаций», т. е. себя и Александровича, представителям «общественности» – в презрительных кавычках). Уж во всяком случае они чувствовали себя единственными подлинными представителями «про-

летариата». Не помню точно высказываний Александровича (вряд ли вообще он был способен свои позиции отчетливо сформулировать); что же касается Юренева, то он занял какую-то удивительную позицию. В противовес всем остальным присутствовавшим, Юренин не только не проявлял никакого энтузиазма по поводу происходивших событий, но отравлял всех нас своим скептицизмом и неверием. «Нет и не будет никакой революции, – упрямо твердил он, – движение в войсках сходит на нет и надо готовиться к долгому периоду реакции...» А когда мы после оценки происходящего перешли к вопросу о том, что нам нужно делать, он заявил, что необходимо занять лишь наблюдательные позиции, отнюдь не стараясь самим развивать события. Мы (А.Ф. Керенский, Г. Эрлих и я) единодушно говорили о необходимости влиться в события, постараться воздействовать на движение, придать ему более определенный политический смысл и направление, добыть средства для создания техники по изданию листовок. Юренин твердо настаивал на позиции: «выжидать и наблюдать». При этом он особенно резко нападал на А.Ф. Керенского, упрекая его в «обычной, свойственной ему истеричности» и «обычном преувеличении». Мы утверждали, что волна идет вверх, что мы должны готовиться к решительным событиям; Юренин, считавший себя на более левом фланге, усиленно старался обливать нас холодной водой. Для нас было ясно, что такова была позиция в тот момент не только его лично, но и большевистской петербургской организации. Юренин высказывался против форсирования событий, утверждал, что начавшееся движение не может иметь успеха, настаивая даже на необходимости успокоить взволнованные рабочие массы. Единственно, на что он соглашался, это на то, чтобы «Керенский использовал свои общественные связи и раздобыл денег для издания... информационного бюллетеня» (цитирую его фразу буквально). И говорилось это с величайшим презрением к «либералу Керенскому». Таких же позиций в то время держался, как позднее выяснилось, и Н.Н. Гиммер (Суханов). Чем была тогда продиктована такая пассивная тактика большевиков, тогда я не понимал, но уверенно констатирую ее как факт. В те дни, когда началось уличное движение, всего более скептически отнеслись к успеху революции большевики. Сейчас эту странную позицию большевиков я могу объяснить только одним: начавшееся движение они не считали своим, движением «пролетариата», – в лучшем случае это было, по их мнению, начало «буржуазной» революции, которой они чурались. Только это может объяснить их странное поведение – это презрение к «буржуазной революции» многое определило в их позициях и в последующие дни.

Как раз в разгар наших споров раздался звонок и из передней ворвался в шубе Н.Д. Соколов. Еще из передней раздался его громкий голос: «Вы знаете, что произошло?..» А.Ф. Керенский перебил его словами: «Знаем, знаем – восстал Павловский полк...» – об этом нам только что сообщили по телефону (со ссылкой на Шаляпина). Это и была та новость, с которой Н.Д. Соколов, так любивший первым сообщать о важных событиях, спешил на совещание. Надо было видеть его огорчение и разочарование, что не он был первым вестником важного события.

Совещание наше затянулось до поздней ночи. Когда через весь Петербург (с Тверской до Царскосельского вокзала) я возвращался домой, Петербург все еще имел взбудораженный вид. Всюду на перекрестках кучки митингующих – на Сергиевской, на Литейном, на Владимирской, у Царскосельского вокзала. Особенно оживлен – несмотря на поздний ночной час – перекресток Невский – Литейный... И меня опять поразила эта уже подмеченная мною черта – незнакомые люди, случайно встретившиеся на минуту, с таким братским доверием относились один к другому, так охотно открывали друг другу сердца, что было очевидным: все в эту минуту переживали одно и то же – высокий, небывалый, ни с чем не сравнимый духовный праздник!.. Кое-где горели огни – ночь была холодная, – около них собирались кучки случайных встречных, обменивались новостями, рассказывали об отдельных эпизодах и личных приключениях, дружески прощались друг с другом и расходились в разные стороны. Полицейских нигде решительно не было видно, не было и войск, хотя отдельные солдаты в толпе теперь

встречались в значительном количестве. Улица явно переходила во власть толпы... На совещании у Керенского мы только что единодушно отметили исчезновение филеров, следивших за нами раньше, и учли это как отрадный признак.

Зензинов В.М. Февральские дни // Новый журнал (Нью-Йорк). 1953. № 34–35.

Николай II и Ставка в первые дни революции

Генерал А.С. Лукомский

25 февраля (10 марта) 1917 года была получена из Петрограда телеграмма от военного министра генерала Беляева, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка и что среди рабочих, на почве недостатка в столице продуктов, начинаются беспорядки. В телеграмме добавлено было, что меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет. В тот же день была получена вторая телеграмма от генерала Беляева, в которой сообщалось, что рабочие на улицах поют революционные песни, выкидывают красные флаги и что движение разрастается. Заканчивалась телеграмма указанием, что к 26 февраля (11 марта) беспорядки будут прекращены.

26 февраля (11 марта) генерал Беляев и главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов уже доносили, что некоторые из войсковых частей, вызванных для прекращения беспорядков, отказываются употреблять оружие против толпы и переходят на сторону бастующих рабочих. Генерал Беляев продолжал успокаивать, сообщая, что все меры для прекращения беспорядков приняты и что он уверен, что они будут подавлены. Генерал Хабалов сообщал более тревожные данные и просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность Петроградского гарнизона.

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются в войсках аресты офицеров, что войска переходят на сторону рабочих, что положение крайне серьезно и что необходима присылка в Петроград надежных частей. Генерал Алексеев, после доклада государю императору, послал телеграммы главнокомандующим Северным и Западным фронтами с указанием немедленно приготовить для отправки в Петроград по одной бригаде пехоты с артиллерией и по одной бригаде конницы. Было указано во главе отправляемых бригад поставить энергичных генералов.

26 февраля (11 марта) вечером и утром 27 февраля (12 марта) были получены телеграммы от председателя Государственной думы на имя государя императора, в которых в очень мрачных красках описывалось происходящее в Петрограде и указывалось, что единственный способ прервать революцию и водворить порядок – это немедленно уволить в отставку всех министров, объявить манифестом, что кабинет министров будет ответственен перед Государственной думой, и поручить формирование нового кабинета министров какому-либо лицу, пользующемуся доверием общественного мнения. Генерал Алексеев доложил эти телеграммы государю, который приказал вызвать генерал-адъютанта Н.И. Иванова и поручить ему отправиться в Петроград и принять руководство подавлением мятежа. Приказано было с генералом Ивановым послать какую-либо надежную часть. Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, передал ему приказание государя и сказал, что вместе с ним из Могилева будет отправлен Георгиевский батальон. Насколько еще не придавалось серьезного значения происходящему в Петрограде, показывает, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов не торопились, а было приказано лишь «подготовить» войска к отправке.

27 февраля (12 марта) около 12 часов генерала Алексеева вызвал к прямому проводу великий князь Михаил Александрович. Великий князь сообщил генералу Алексееву те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной думы, и просил начальника штаба Верховного главнокомандующего немедленно доложить государю, что и он считает единственным выходом из создавшегося положения – срочно распустить нынешний состав совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной думой правительство и поручить сформировать новый кабинет министров или председателю Всероссийского земского союза князю Львову, или председателю Государственной думы Родзянко. Генерал Алексеев пошел с докладом к государю императору. Государь выслушал и

сказал начальнику штаба, чтобы он передал великому князю, что государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить.

Вслед за этим была получена новая телеграмма – от председателя совета министров. Князь Голицын, указывая, что события принимают катастрофический оборот, умолял государя немедленно уволить в отставку весь состав министров. Он указывал, что вообще существующий состав министров теперь оставаться у власти не может, а нахождение в его составе Протопопова вызывает общее негодование и возмущение; что он считает единственно возможным спасти положение и даже спасти династию – только тем, что государь немедленно пойдет на уступки общественному мнению и поручит составить новый кабинет министров, ответственный перед законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко. Генерал Алексеев хотел эту телеграмму послать с офицером для передачи ее государю через дежурного флигель-адъютанта. Но я сказал генералу Алексееву, что положение слишком серьезно и надо идти ему самому; что, по моему мнению, мы здесь не отдаем себе достаточного отчета в том, что делается в Петрограде; что, по-видимому, единственный выход – это поступить так, как рекомендуют Родзянко, великий князь и князь Голицын; что он, генерал Алексеев, должен уговорить государя. Генерал Алексеев пошел. Вернувшись минут через десять, генерал Алексеев сказал, что государь остался очень недоволен содержанием телеграммы князя Голицына и сказал, что сам составит ответ.

– Но вы пробовали уговорить государя согласиться на просьбу председателя совета министров? Вы сказали, что и вы разделяете ту же точку зрения?

– Государь со мной просто не хотел и говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если государь пришлет какой-нибудь ответ – сейчас же придите мне сказать.

Действительно, у генерала Алексеева температура была более 39 градусов.

Часа через два ко мне в кабинет прибежал дежурный офицер и сказал, что в наше помещение идет государь. Я пошел навстречу. Спускаясь с лестницы, я увидел государя уже на первой площадке. Его величество спросил меня:

– Где генерал Алексеев?

– Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу вас, ваше императорское величество, пройти в ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева.

– Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а поэтому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу.

Передав мне, как теперь помню, сложенный пополам синий телеграфный бланк, государь ушел.

Я понес телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашом собственноручно государем и адресована председателю совета министров. В телеграмме было сказано, что государь при создавшейся обстановке не допускает возможности производить какие-либо перемены в составе совета министров, а лишь требует принятия самых решительных мер для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей Петроградского гарнизона. Затем государь указывает, что он предоставляет временно председателю Совета министров диктаторские права по управлению в империи вне района, подчиненного Верховному главнокомандующему, а что, кроме того, в Петроград для подавления восстания и установления порядка командирится с диктаторскими полномочиями генерал-адъютант Иванов. Получилось в Петрограде два диктатора.

Я вновь просил генерала Алексеева идти к государю и умолять его изменить решение; указать, что согласиться на просьбу, изложенную в трех аналогичных телеграммах, необходимо. После некоторых колебаний начальник штаба пошел к государю. Вернувшись, сказал, что государь решения не меняет. Телеграмма была послана. Потом в Ставке говорили, что

после получения телеграммы от председателя Совета министров государь больше часу говорил по телефону. Особый телефон соединял Могилев с Царским Селом и с Петроградом. Так как председателю Совета министров государем императором была послана телеграмма, то все были уверены, что государь говорил с императрицей, бывшей в это время в Царском Селе. До вечера из Петрограда было получено еще несколько телеграмм, указывавших, что положение становится все более и более серьезным. Главнокомандующему Северным фронтом было послано приказание немедленно, по подготовке частей, предназначенных к отправлению в Петроград, послать их по назначению.

Часов в девять вечера, когда я сидел в своем кабинете, кто-то ко мне постучался и затем вошел дворцовый комендант генерал Воейков. Дворцовый комендант сказал мне, что государь приказал немедленно подать литерные поезда² и доложить, когда они будут готовы; что государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причем он хочет выехать из Могилева не позже 11 часов вечера. Я ответил, что подать поезда к 11 часам вечера можно, но отправить их раньше 6 часов утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы. Затем я сказал генералу Воейкову, что решение государя ехать в Царское Село может повести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, государю необходимо оставаться в Могилеве, что связь между штабом и государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути; что мы ничего определенно не знаем, что делается в Петрограде и Царском Селе, и что ехать государю в Царское Село опасно. Генерал Воейков мне ответил, что принятого решения государь не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения. Я дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений и пошел к генералу Алексееву, который уже лег спать. Разбудив его, я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к государю и отговорил его от поездки в Царское Село. Я сказал, что если государь не желает идти ни на какие уступки, то я понял бы, если б он решил немедленно ехать в Особую армию (в которую входили все гвардейские части), на которую можно вполне положиться; но ехать в Царское Село – это может закончиться катастрофой. Генерал Алексеев оделся и пошел к государю. Он пробыл у государя довольно долго и, вернувшись, сказал, что его величество страшно беспокоится за императрицу и за детей и решил ехать в Царское Село. В первом часу ночи государь проехал в поезд, который отошел в 6 часов утра 28 февраля (13 марта).

Утром 28 февраля (13 марта) была получена телеграмма от председателя Государственной думы, в которой сообщалось, что революция в Петрограде в полном разгаре, что все правительственные органы перестали функционировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинает завладевать положением и что комитет Государственной думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя; во главе комитета остается он – председатель Государственной думы. С этого момента комитет Государственной думы принял на себя, так сказать, управление революционным движением. Но параллельно с комитетом Государственной думы образовался в Петрограде «Совет рабочих и солдатских депутатов», который фактически влиял на решения этого комитета. Поезд государя дошел до станции Дно, но дальше его не пропустили – под предлогом, что испорчен мост. Государь хотел поехать через Бологое по Николаевской железной дороге, но не пустили и туда. Создалось ужасное положение: связь Ставки с государем потеряна, а государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село. Наконец, государь решил ехать в Псков.

В Псков государь прибыл к вечеру 1 (14) марта. Что, собственно, побудило государя направиться в Псков, где находился штаб главнокомандующего Северным фронтом генерала

² Литерными поездами назывались два поезда, отправлявшиеся один за другим при царских поездках. В одном из поездов ехал государь.

Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилеве? Объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского. Возможно, конечно, и это, но возможно и то, что государь, стремясь скорее соединиться со своей семьей, хотел оставаться временно где-либо поблизости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь со Ставкой и Царским Селом, был именно Псков, где находился штаб Северного фронта.

Между тем отправившийся из Могилева в Петроград с Георгиевским батальоном генерал Иванов благополучно 28 февраля (13 марта) прибыл в Царское Село. Поезд его никем задержан не был. По прибытии в Царское Село генерал Иванов, вместо того чтобы сейчас же высадить батальон и начать действовать решительно, приказал батальону не высаживаться, а послал за начальником гарнизона и комендантом города. В местных частях войск уже началось брожение и образовались комитеты; но серьезных выступлений еще не было. Кроме того, некоторые части, как конвой его величества, так и собственный его величества пехотный полк были еще в массе своей верны присяге. Слух о прибытии эшелона войск с фронта вызвал в революционно настроенных частях смущение; никто не знал, что направляется еще за этим эшелоном. Но скоро стало известным, что ничего, кроме этого единственного эшелона с фронта, не ожидается.

Оставление Георгиевского батальона в поезде и нерешительные действия генерала Иванова сразу изменили картину. К вокзалу стали прибывать запасные части, квартировавшие в Царском Селе, и начали занимать выходы с вокзальной площади и окружать поезд с прибывшим эшелоном. Местные власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надеются поддержать порядок в Царском Селе; что высадку и какие-либо действия Георгиевского батальона они считают опасными. Если батальон высадится, то произойдет неизбежное столкновение с местными войсками, порядок будет нарушен, и царской семье будет угрожать опасность. Советовали генералу Иванову отправиться обратно. С подобными же советами и указаниями к генералу Иванову стали прибывать различные лица из Петрограда. После некоторых колебаний генерал Иванов согласился, чтобы его эшелон отправили на станцию Дно. Таким образом, из командировки генерала Иванова в Царское Село и Петроград с диктаторскими полномочиями ничего, кроме скандала, не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.